

НАХОДКА.

Послѣ отечественной войны, казаки возвращались на Донъ. Много ли ихъ пошло и много ли пришло — это, какъ Платовъ сказаль, домашній счетъ; но тѣмъ, которые благополучно добрались во—свояси, было о чемъ пересказать, а, можетъ, было чѣмъ и порадовать своихъ: добычи было много. Полкъ шелъ черезъ Золотоношскій—Уѣздъ. День былъ воскресный; казаки, по тогдашнему обычаю, брели враздробь, кучками, а отсталые, либо подгулявшіе, тянулись и попарно, и по одному.

Плетется по столбовой дорогѣ казакъ, повѣсили голову, и думаетъ: конечно, оно ничего сказать, плакаться грѣшно, даль Богъ и мнѣ поживу, не стыдно будетъ домой глаза показать; однакожъ, другимъ—инымъ счастье послужило еще получше... вотъ, у Маслова, хоть онъ, кажись бы, и не то, чтобъ изъ самыхъ бойкихъ, особенно,

какъ гдѣ дѣло пойдетъ въ настоящую, однакожь, на это его пострѣла стало: у него подушка набита хорошо; и не пухъ, да мягко сидится — диво, что лошадь не подломится подъ нимъ — сѣдло, только-что человѣку подъ силу поднять... и у Мухранова тожь, червонцамъ счету нѣть — чай, домой пріѣдетъ, со старухой своей въ недѣлю не сосчитаютъ... посылаеть же Господь иному человѣку такое счастье... Есть, правда, есть и у меня, да не противъ ихъ... а вотъ тутъ еще и сапожишки купить надо, обносился совсѣмъ, прибавиль онъ, поглядывая на сапогъ: — раздѣлывать подушку для этой малости не хочется, а что при себѣ было деньжонокъ, издержаль все, то-есть прогуляль... ну, да нашему брату нельзя, чтобъ ину-пору не развеселить сердце, не выпить, то-есть... а въ этихъ сапогахъ не доѣдешь до дому — нѣть, ужь совсѣмъ плохи...

Въ это время идетъ ему встрѣчу молодой парень, который возвращался отъ обѣдни, изъ ближняго села, домой. Онъ честно поздоровался съ казакомъ и

пошелъ—было своимъ путемъ. Онъ въ это время думалъ про—себя такъ: и не много бы человѣку надо, чтобы вѣкъ прожить по—людски, да по—Божески, такъ и этого не откуда взять. Вотъ, еслибъ не воскресный день, такъ никто бъ меня не увидалъ въ новыхъ чоботахъ, да и то новое, потому—что берегу, что въ праздникъ только обуваю, а куплены они ужъ давно. Воловъ только одна пара, а другой купить не на что; спрягаемъ съ сосѣдомъ, когда пашемъ, да за то жь и я на него пашу — оно и тяжело, и не напашешься. А были бъ у меня волы, пошелъ бы я чумаковать; повезъ бы муку, крупу, да сало въ Крымъ, а оттуда соль, а тамъ пошелъ бы на Донъ за таранью — вотъ бы и заработалъ копейку...

— Стой! закричалъ казакъ, выхвативъ саблю изъ ноженъ: — стой, да снимай скорѣе чоботы, обмѣняемся. Мужикъ глядить на него, ротъ разинувъ, ровно не слышить, что тотъ сказалъ; а казакъ, глянувъ еще разъ взадъ да впередъ по дорогѣ, нѣть ли кого, замахнулся на бѣдняка саблей, да кричить: — изрублю

всего, искрошу на мѣстѣ, снимай, говорю, сапоги, да бери мои! — «Господь съ тобою? что ты это дѣлаешь, землякъ?» взмолился хохоль: «въ воскресный день, среди бѣлага дня на разбой выѣзжаешь; да побойся жь Бога и побойся людей: тутъ теперь народъ ходить и ъздить по дорогѣ...» Какъ вытянеть его казакъ полосой, плашмя, по спинѣ, такъ мой хохоль тутъ же и присѣль на мѣстѣ, и скинуль оба сапога въ одинъ мигъ, какъ вотъ пальцемъ кивнуть, и вскочилъ опять на ноги и подаетъ ихъ казаку; а тотъ еще кричить: «скорѣй! сымай, коли сымаешь!» — На, говорить бѣднякъ: — возьми, Господь съ тобой. Казакъ взялъ сапоги, оглянулся еще разъ кругомъ, слѣзъ и стала разуваться. Онъ не хотѣлъ ограбить мужика и увезти у него сапоги, а хотѣлъ только обмѣнѣть свои изношенные на пару новыхъ. — На, собака, подержи коня, сказалъ онъ, передавая чембуль въ руки хохла: — да молись Богу, что не на такого напалъ: другой бы уходилъ тебя тутъ же на мѣстѣ, и кафтанъ-то снялъ бы съ плечь. Самъ присѣль, снялъ съ себя

проводно сапоги, сунулъ ихъ въ руки мужика и стала обувать новые.

Хохоль держитъ въ одной рукѣ поводъ коня, въ другой старые, изношенные сапоги, глядить на нихъ, да и думаетъ: вотъ еще, чего доброго, заставить меня эти сапожишкы надѣть! Хорошъ же я буду, какъ въ нихъ ворочусь домой! Вѣдь меня засмѣютъ люди, и хозяйка въ глаза наплюетъ, да таки и подѣломъ; это курамъ насмѣхъ, пойди въ воскресный день къ обѣднѣ въ новыхъ сапогахъ, а воротиться вотъ въ какихъ...

— А, чтобы тебя чортъ взялъ и съ сапогами твоими! сказалъ казакъ, и мужикъ теперь только на него оглянулся: въ торопяхъ, казакъ нашъ насилиу попалъ ногой въ голенище, да пяткой прихватиль края и завернуль внутрь; дергаетъ, тянеть, суетъ ногу, да не справится; и что больше торопится, то хуже.

Мужикъ мой вдругъ словно свѣтъ увидѣль: какъ хватить онъ казака его же сапогами по лбу, закричавъ: «такъ обувай же, коли обуваешь!» да какъ вскочить на

коня, да голыми пятками его по бедрамъ — только его и видѣли.

Казакъ вскочилъ—было, да пустился за нимъ въ погоню — такъ пѣшій конному не товарищъ, а тутъ еще одинъ сапогъ надѣть до половины, и нога запуталась въ голенищѣ. — Стой, сдѣлай милость, стой; на, возьми свои сапоги — кричитъ казакъ, запыхавшись, выбившись изъ силъ и спотыкаясь черезъ свои же ноги; такъ не слышитъ, видно, мужикъ: знай несется во весь духъ, а скоро скрылся и слѣдъ простыль.

Казакъ, привыкшій, можетъ—статься, обижать другихъ, но не привыкшій, чтобъ его обижали, стала рвать на себѣ волосы и плакать и вопить, какъ по родному покойнику. И то сказать, какъ ему теперь показаться въ полкъ, безъ лошади, безо всего, и какъ отвратиться передъ начальствомъ? Бѣда да и только. Сѣль онъ, поправиль и надѣль сапогъ, да пошелъ—было степью вслѣдъ за своимъ невольнымъ обидчикомъ, такъ раздумалъ и сталъ: куда я пойду, гдѣ я его найду? Простора на всѣ

четыре стороны много, а кто былъ мужикъ этотъ и откуда, я не знаю. Подумалъ казакъ, плонуль, почесаль затылокъ и воротился въ городъ.

Дорогою онъ останавливался раза два и заламывалъ руки; но страхъ и горе опять погнали его впередъ; къ начальству, подумалъ онъ, больше не къ кому идти теперь — должно быть, начальство разъищетъ.

Отыскавъ исправника, онъ принесъ жалобу, что—де, сошедись на дорогѣ съ мужикомъ, сталъ съ нимъ разговаривать, а тамъ спѣшился, да пошелъ по пути съ нимъ рядомъ, потомъ отдалъ ему поводъ лошади, отошедши на минуту въ сторону, а тотъ сѣль и ускакалъ. Опасаясь за такой случай большихъ непріятностей, исправникъ сталъ всѣми силами стараться отыскать виноватаго; — но прошло нѣсколько дней, всѣ разосланные съищики воротились и не нашли ничего. Казакъ не даетъ покоя исправнику, просить и плачеть день и ночь, а наконецъ, въ отчаяніи, кается ему, глазъ—на—глазъ, во всей правдѣ и обѣщаетъ

тысячу рублей, только бы найти съдло съ подушкой: остальное пусть пропадетъ. Ему съдло съ подушкой дороже лошади: лошадь, говоритьъ, была плохая, а съдло съ подушкой завѣтныя.

Протекло, однокожь, еще два дня; казакъ изъ себя выходитъ, сулить двѣ, три тысячи, признаваясь, что у него въ подушкѣ съдѣльной зашито было золотомъ шесть тысячъ рублей; исправникъ всѣ силы и средства употребилъ — нѣть, и нѣть никакихъ слѣдовъ. Казакъ волосы рветъ на себѣ, а пособить нечѣмъ.

Вдругъ даютъ знать, что въ глухой балкѣ, въ степи, нашли казачью лошадь съ съдломъ, съ сумами, съ шинелью и другими вещами въ торокахъ. Исправникъ зоветъ казака, сказываетъ ему о находкѣ и говоритъ: поѣдемъ сейчасъ туда. Боже мой! казакъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости: обнимается и цалуется со всѣми, кается и просить прощенья, не сказывая въ чёмъ — садится и ёдетъ.

Пріѣзжаютъ на мѣсто; у моего казака духъ захватываетъ отъ страха и

нетерпѣнія — спрашиваютъ сотскаго: у кого во дворѣ казачья лошадь? кому сдана на руки? — У меня, говорить сотскій. — Гдѣ она у тебя? выводи сейчасъ на дворь! Казакъ бросился напередъ, вслѣдъ за сотскимъ — моя, кричть, она и есть! Сбрую—то давайте пожалуйста, сбрую, сѣдло съ приборомъ, то—есть... Вотъ и сѣдло, и весь приборъ, и все, какъ нашли, говорить сотскій. — А подушка? подушка моя гдѣ? закричаль не своимъ голосомъ казакъ, увидѣвъ голое сѣдло. — Вотъ тутъ, разбирай, сказалъ сотскій: какъ нашли, такъ и есть, все цѣло; вотъ это никакъ подушка, да только взрѣзана, виши!

Казака почти обморокъ ошибъ на мѣстѣ. У него въ подушкѣ было золотомъ не шесть, а болѣе тридцати тысячъ рублей. Исправникъ посвисталъ, глядя на все это, пожаль плечами, да и отошелъ. Тутъ взятки гладки! подумалъ онъ, и тотчасъ же велѣлъ подавать свою бричку.

Неподалеку отъ большой дороги, гдѣ казакъ такъ неудачно обмѣнялся сапогами, жилъ мужичокъ Охримъ, порядочный

хозяинъ, но бѣдненекъ, хотя и не пьющий и работающій. Видно, однакожь, ему помаленьку счастье послужило: вскорѣ послѣ описанного нами случая прикупилъ онъ парочку воловъ и сталъ хозяйствничать полнымъ плугомъ; на другой годъ, не прежде, прикупилъ еще двѣ пары, продавъ напередъ выгодно пшеницу; тамъ пошелъ чумаковать и видно торговалъ хорошо, потому—что года черезъ четыре сталъ отправлять въ Крымъ и на Донъ возовъ по десяти и больше. Богъ ему помогъ, и онъ вскорѣ купилъ порядочный кусокъ землизы и выбрался жить на хуторъ; а когда люди привыкли уже къ тому, что у Охрима свой хуторъ, гдѣ онъ живеть съ сыновьями и со снохами, и съ дочерьми, и съ зятьями, то не дивились болѣе и богатству его, хоть иные и моргали усомъ, когда бывала рѣчь объ этомъ, замѣчая, что съ работы будешь горбать, но не будешь богатъ.

Исправникъ, о которомъ мы говорили, давно уже былъ уволенъ отъ должности и жиль у себя дома, также на хуторѣ, который и пріобрѣлъ на службѣ, вѣроятно,

также работой, по-крайней-мѣрѣ, онъ всегда достояніе свое называлъ трудовымъ и *благо-пріобрѣтеннымъ*. Припоминая иногда происшествіе съ казакомъ, онъ перекашивалъ ротъ, поглаживалъ подбородокъ и говорилъ про-себя: «да, счастливъ твой Богъ, Охримъ, что ты богатѣль осторожно, по-немногу, и что я ужъ болѣе не исправникъ; а теперь бы я зналъ, гдѣ искать потрохи казачьей подушки!»

А казакъ? Товарищи прозвали его, послѣ этого происшествія, чоботомъ, и онъ, за слово это, каждый разъ лѣзъ въ драку, очертя голову. Говорять, онъ подъ-конецъ едва-ли не сошелъ съ ума.

В. ДАЛЬ